

✓ К-14038

П 299511

ISSN 0453-8048
ISSN 0320-8346

ВЕСТНИК

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 194

ФИЛОСОФИЯ

Выпуск 14

85 к.

Вестн. Харьк. ун-та, 1980, 1—8

V.N. Karazin Kharkiv National University

00278473

1810
1810

1810

1810

1810

1810

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
№ 194

ФИЛОСОФИЯ

ВЫПУСК 14

Основан в 1965 г.

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ВИЩА ШКОЛА»
1980

Философия, вып. 14. Вестник Харьковского государственного университета № 194. — Харьков: «Вища школа», Изд-во при Харьк. ун-те, 1980. — 88 с.
Списки лит. в конце статей.

В вестнике помещены статьи, в которых освещаются актуальные вопросы марксистско-ленинской философии на современном этапе ее развития. Рассматриваются проблемы теории познания, истории философии, критики некоторых антимарксистских взглядов и др.
Для научных работников и преподавателей вузов.

Редакционная коллегия: А. Ф. Плахотный (отв. ред.), О. Г. Берзин, Ю. Ф. Бухалов, А. А. Иващенко, А. А. Мамалуй, В. П. Педан, Г. Н. Садовский.

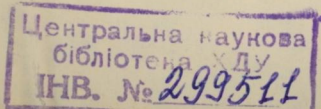
Печатается по решению кафедры философии (протокол № 11 от 17 февраля 1979 г.).

Адрес редакционной коллегии: 310077, Харьков-77, пл. Дзержинского, 4, госуниверситет, кафедра философии. Тел. 40-17-12.

Редакция гуманитарной литературы

Ф — 10501—104
М226(04)—80 без объявл.

© Харьковский
государственный
университет, 1980

А. Ф. ПЛАХОТНЫЙ, канд. филос. наук, Е. А. ПОДМАЗКО

ДИНАМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

При рассмотрении социальной ответственности как целостной системы необходимо определить не только основные пласты, характеризующие ее части и элементы с количественной стороны, но и раскрыть качественную определенность, связь и соотношение между последовательными этапами ее организации. Иными словами, необходимо вычленить динамическую структуру, которая представляла бы собой единство элементов функционирования и развития ответственности как социального явления.

Динамическая структура социальной ответственности должна, во-первых, раскрывать диалектику развития социальной ответственности во времени, а во-вторых, отражать это явление не только в качестве непосредственно переживаемого индивидом, но и в качестве отношения индивидов, малых групп и классов к обществу и в целом к социальному миру. Таким образом, динамическая структура должна раскрывать социальную ответственность как продукт исторически определенных общественных отношений. В динамическую структуру входят элементы и этапы развития, вызывающие те или иные изменения данного явления и определяющие направления этих изменений. К ним относятся элементы общечеловеческого, детерминирующие все типы социальной ответственности, и в первую очередь индивидуальную ответственность, и одновременно синтезирующие их в единое целое; побудительные элементы индивидуальной, групповой ответственности, интегрирующие виды проявления ответственности индивидуальной и классовой; элементы классовой ответственности, оптимизирующие выражение индивидуального и социально-группового типов ответственности; элементы коррекции и обогащения индивидуального, группового и классового типов ответственности посредством обратной связи их результата с элементами, обуславливающими указанные типы.

Названные группы элементов составляют следующие подструктуры: 1. Детерминационно-синтетическую. 2. Функционально-побудительную. 3. Интеграционно-упорядочивающую. 4. Оптимизационную. 5. Прогностическую [6, с. 158]. В качестве основания для вычленения этих подструктур используется связь между последовательными этапами эволюции системы социальной ответственности.

В динамической структуре, отражающей сам процесс функционирования и развития социальной ответственности, можно выделить два уровня. Первый — охватывает детерминационно-синтетическую и функционально-побудительную подструктуры. Он отражает этап предварительной организации отношений ответственности между индивидуальным субъектом и субъектами различной общности.

На втором уровне находится интеграционно-упорядочивающая, оптимизационная и прогностическая подструктуры. Они выполняют функции регуляторов достижения оптимального развития социальной ответственности у различных субъектов.

Система социальной ответственности возникла на раннем этапе развития человеческого общества в условиях родоплеменной общественной организации. На этой стадии она была примитивной, неразвитой. «По вертикали» компоненты системы располагались на двух уровнях: общего и единичного. Первому соответствовала коллективная ответственность, выступающая в синкретическом виде; второму — четыре вида индивидуальной ответственности (преобразование действительности, ее познание, ценностная ориентация, общение), охватывающие основные сферы жизнедеятельности человека. Так возникло два первых типа социальной ответственности: коллективная и индивидуальная.

По мере развития общества и дифференциации сфер его жизнедеятельности, по мере усложнения социальной организации (структуры) на нижнем уровне системы постепенно возникают компоненты (виды) семейно-бытовой и профессиональной ответственности. Они составляют третий тип — ответственность малых групп.

Дальнейшее совершенствование форм общественной жизни, усложнение социальной организации усиливают дифференциацию среды и приводят к возникновению таких ее компонентов, как экономический, идеологический и политический. Это четвертый тип ответственности — классовый. В совокупности индивидуальный, групповой и классовый типы образуют нижний уровень социальной ответственности. К элементам исходной структуры относятся лишь элементы индивидуального типа. На этой фазе развития структуры элементы других типов являются воздействующими факторами внешней среды. Лишь на определенном этапе развития системы элементы ответственности группового и классового типов проникают в структуру социальной ответственности как отражение системы целого, становясь в его подсистемах все более важной внутренней частью. Несмотря на производный, вторичный характер природы этого социального целого, «она становится все более необходимой для обогащаемой информацией природы объекта — его новой собственной природы» [5, с. 66]. Это служит ярким примером взаимопроникновения непосредственного и опосредованного в насто-

ящей системе, одной из сложных информационных систем социального типа.

Все три подструктуры нижнего уровня социальной ответственности связаны между собой и относятся как единичное, особенное и общее. Их взаимодействие проявляется в форме информационного взаимодействия, представляющего собой одну из разновидностей отражения, которое в данном случае выступает как воспроизведение в иной форме содержания видов классовой ответственности в видах индивидуальной ответственности в процессе прямой информационной связи между структурными элементами названных типов ответственности. С другой стороны, отражением будет воспроизведение в иной форме содержания видов индивидуальной ответственности в видах классовой ответственности в процессе осуществления обратной информационной связи между этими структурными элементами. При этом прямая информационная связь осуществляется через компонент семейно-бытовой ответственности, а обратная — через компонент профессиональной ответственности.

В процессе обособления продукта отражения от механизма отражения в случае прямой связи между компонентами на среднем уровне структуры возникает новый элемент — гражданская ответственность (единичное), а при обратной связи — правовая ответственность (общее). Первый вид среднего уровня формируется под влиянием индивидуального типа нижнего уровня; второй вид — под влиянием классового типа ответственности, выступающего на нижнем уровне в качестве общего. Так возникают компоненты, образующие пятый, последний тип общенародной ответственности.

Из сказанного видно, как под воздействием изменяющихся внешних условий и приспособления к ним функция изменяет строение, организацию системы социальной ответственности, т. е. ее структуру. Становятся понятными причины процессов самоорганизации частей структуры в единое целое, процессы, ограничивающиеся либо пределами данного уровня, либо связанные с переходом структурного уровня к более высокому.

Как же в свете изложенного перейти от структуры социальной ответственности к ее функции, осмыслить ее комплексный характер и подойти к пониманию механизма функционирования системы?

Социальная ответственность является интегральной функцией, которая реализуется различными субъектами. Разумно предположить, что эта функция включает общечеловеческую и общенародную ответственность. Функцию общечеловеческой ответственности выполняет коммунистический аспект моральной ответственности, общенародной — правовой и гражданский ее виды. Однако этого недостаточно для показа социального характера явлений ответственности. Следует помнить, что понятие «социальный» лишь в первом приближении означает общест-

венный, общечеловеческий. В сущность второго и последующих порядков оно включает еще и классовое, и групповое, и даже индивидуальное. Поэтому ограничение системы лишь моральным, гражданским и правовым компонентами значительно обеднило бы структуру социальной ответственности. Отсюда следует, что предпосылкой и основой подструктуры трех указанных выше компонентов является другая, более простая, менее организованная подструктура. Ее элементы выполняют функции социальной ответственности классов, малых групп и отдельных индивидов. Функционирование структуры, представляет синтетический процесс отражения функций классового, группового и индивидуального типов, образующих подструктуру нижнего уровня, в системе тех функций, которые осуществляют типы общенародной и общечеловеческой ответственности, образующие подструктуру верхнего уровня ответственности. В процессе взаимодействия подструктур элементов общечеловеческого и общенародного типов фиксируют в себе в снятом виде организацию типов ответственности подструктуры нижнего уровня. Это означает, что на основе отражения идею взаимодействия правомерно дополнить идеей взаимопроникновения видов и типов социальной ответственности.

Итак, сделаем вывод относительно статистической и динамической структуры социальной ответственности. Прежде всего это два противоположных подхода к оценке социальной ответственности как исключительно сложного целого. Если статистическая структура раскрывает закон взаимосвязи разновидностей, видов и типов социальной ответственности, т. е. связь между ее частями «по горизонтали», то динамическая структура характеризует эту связь «по вертикали», т. е. раскрывает ступени, фазы ее усложнения во времени, взаимодействие и взаимопроникновение этапов развития. Существующее ныне в литературе понятие форм социальной ответственности, таким образом, стало необходимо заменить видами и типами, т. е. более емкими понятиями об усложнении частей социальной ответственности. Логическая необходимость ведет отсюда к понятию о способе связи между частями, образующими явление социальной ответственности. Вместе с этим возникает необходимость учета способа взаимодействия частей, т. е. строения, организации феномена социальной ответственности. Использование двух последних понятий при анализе данного явления позволяет сделать вывод о том, что его сложный социальный характер складывается из всей гаммы человеческих отношений в обществе.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXV съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1976. — 256 с. 4. Брежнев Л. И. Об актуальных проблемах партийного строительства. — М.: Политиздат, 1976. 5. Кремьянский В. И. К анализу понятий

системы и структуры. — Филос. науки, 1975, № 5. 6. Манько Ю. В. К вопросу о познании структуры групповой деятельности. — В кн.: Проблемы научного познания. — Ленинград, 1978.

Н. С. МОРОЗ

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

В последние годы внимание многих исследователей сосредоточивалось на выявлении структурных компонентов личности, были осуществлены различные подходы к созданию ее социальной и социально-психологической моделей [4; 5; 6; 7]. Эти исследования дают возможность выяснить соотношение различных подструктур, их содержание, установить законы функционирования и развития личности. Широкое развертывание таких исследований связано с решением тех задач, которые ставит партия перед учеными-обществоведами — формирование такой личности, инициативное, творческое участие которой в труде, общественной жизни является показателем ее идейной, гражданской зрелости. Это личность социалистического типа с высоким развитым чувством ответственности за любое выполняемое дело [3].

В настоящей статье поставлена цель рассмотреть механизм взаимодействия социальных ролей и ответственности личности. Для нашего исследования принципиальное значение имеют две марксистско-ленинские идеи о личности — понимание личности как единства субъекта и объекта общественных отношений и как единства особенного и единичного. Эти идеи можно раскрыть только при рассмотрении личности в процессе коллективной деятельности, когда она вступает в многообразные общественные отношения с другими людьми.

В качестве основной деятельности И. С. Кон рассматривает выполнение личностью социальной роли [6]. Последняя представляет собой как бы связующее звено между индивидуумом и конкретной социальной средой (семья, производственный коллектив и т. д.). Многообразие социальных связей, выполняемых личностью, их усложнение определяют ее ответственность, которая проявляется посредством деятельности личности внутри конкретной социальной группы и подчинена исторически-конкретной социальной системе. Общественная система задает содержание и формы этой деятельности. Как элемент социальной системы личность выполняет заданную этой системой социальную роль, опосредующую ее связь с социальной группой, классом.

Взаимодействуя с социальным окружением, индивид получает определенную информацию через общественное сознание, которое выступает как часть социальной среды. Именно из него сознание индивида черпает свои ценностные ориентации, идеа-

лы, установки и т. д. Государство, партия, школа, семья посредством системы образования, воспитания, пропаганды и других средств воздействия стремятся влиять на формирование нравственности, научного мировоззрения людей. Это воздействие социальной среды подвергается «обработке» сознанием личности, обретает внутреннюю форму бытия, становится социальной установкой, объективирующейся в социальных ролях личности. Происходит экстерниоризация внешних социальных структур во внутриличностные.

При этом, какой бы ни была форма этой деятельности, сознание индивида всегда проявляется в интересах, нормах, целях, ценностных ориентациях, объективной основой формирования которых выступает исторически конкретная система общественных отношений. В связи с этим возникают важнейшие проблемы соотношения коллектива (различных общностей, в которые включен индивид) и личности, усвоение ею общественных интересов и целей и реализация их в процессе исполнения социальных ролей. Возникает проблема регуляторов деятельности, необходимых для исполнения индивидом «ролевых ожиданий». «Ролевые ожидания» заключаются в потребностях развития социальной деятельности. Овладение социальными ролями означает овладение формами деятельности. В этом процессе происходит перевод внешнего во внутреннее, в котором реализуются психологические особенности и способности личности.

Общество ориентирует, направляет личность на исполнение основных социальных ролей, создает условия для их реализации. Оно обладает целой системой воздействий и фильтров, формируя и отбирая типы характеров, наиболее пригодные для той или иной деятельности [5, с. 169]. При этом социальная ответственность определяется требованиями, предъявляемыми к исполнителю данной роли в зависимости от его положения в социальном институте. Принятие решения, его осуществление принадлежит самому человеку. Он выбирает себе образцы, идеалы, модели, по которым «делает свою жизнь».

В пределах объективной необходимости содержится множество возможностей. Среди них есть совпадающие с ведущей тенденцией развития и такие, реализация которых противодействует ей. Все это постоянно ставит человека в ситуацию, объективно вынуждающую его делать выбор. Человек может вмешиваться в ход событий, беря на себя ответственность за такое вмешательство.

Объективная действительность, бытие людей носят дифференцированный характер. Задача индивида, выбирающего ту или иную роль, найти наиболее целесообразный вариант. Его выбор будет свободным, когда он основывает свои поступки на познании прогрессивных тенденций исторического развития. Исполнение социальной роли требует знаний об этой роли. Это

положение имеет большое значение при подборе индивидов для исполнения основных социальных ролей, изменения социальных институтов и т. д.

Человек включен в разные подсистемы и играет в них определенные социальные роли. При этом ответственность проявляется по-разному. Так, из двух человек, имеющих один и тот же социальный статус, занимающих одинаковое социальное положение, имеющих семью, детей, исполняющих одинаковые социальные роли, один — отличный работник, учится, активен в общественной жизни, уделяет внимание семье, воспитанию детей. Другой — хороший производственник, но безынициативен в общественной работе, устраняется от семейных забот. Этот пример наглядно свидетельствует о различной степени ответственного отношения к своим социальным ролям.

Ответственность иногда носит формальный характер. Примером может служить ситуация, когда человек видит недостатки в работе коллектива, критикует их, но ничего не делает для устранения.

Совершенствуя систему социальных связей личности, образ жизни, общество искореняет эти нежелательные явления. Оно дисциплинирует, помогает приобрести опыт, учит подчинять свою волю воле коллектива, служит регулятором конфликтов.

Степень ответственности определяется способностью индивида выбирать определенную линию поведения. Чтобы выяснить ее, необходимо определить психологические доминанты ролевого поведения, факторы, влияющие на соотношение внутреннего и внешнего в этом процессе. Большое значение при этом имеют ценностная ориентация, эмоциональная и рациональная информация, что, в свою очередь, требует социальных мер воздействия на формирование личности с заданной системой социальных ролей. Так, система материального поощрения и хозрасчет привели к повышению ответственности в выполнении производственных социальных ролей. На современном этапе развития материального производства государство стимулирует профессионально-техническую ориентацию молодежи, повышает престижность рабочих профессий. На это направлен ряд постановлений партии и правительства [1; 2].

Среди условий, обеспечивающих высокую степень ответственности при исполнении социальных ролей, немаловажен характер деятельности личности. Для формирования гармонической системы социальных ролей необходимо, чтобы эта деятельность носила целостный характер, была средством не только удовлетворения насущных потребностей, но и производства социальных ценностей, направлена на пользу семье, коллективу, обществу, т. е. она должна носить общественно-полезный характер. Высокая степень ответственного отношения к своей роли обеспечивается также при условии свободы выбора той или иной роли для личности.

Итак, проявление ответственности зависит как от объективных, так и субъективных факторов, к которым относятся: 1) социальные условия; 2) место, занимаемое личностью в обществе; 3) степень свободы личности; 4) возможность выбора способа действия в наличной ситуации; 5) мотивы действий; 6) индивидуальные особенности.

Важное значение среди вопросов, относящихся к теории ответственности, принадлежит малоисследованным проблемам развития уровней ответственности: от осознания ответственности до практической реализации ее требований. Мы выделяем два уровня: познавательный и практический.

На познавательном уровне личность определяет прогрессивную сторону социальной роли, взвешивает возможности ее выполнения в зависимости от целей, установки. На этом уровне личность несет ответственность за правильный выбор средств и форм реализации социальной роли и, в конечном счете, за результаты своих практических действий. Общество ответственно в данном случае за информированность индивида, предоставление возможностей получения обширных знаний о социальной роли.

На практическом уровне происходит реализация требований ответственности в выполнении определенной социальной роли, конкретизация ее форм. Например, экономическая форма ответственности проявляется в процессе исполнения производственно-экономических социальных ролей, идеологическая — в процессе исполнения идеологических и политических социальных ролей и т. д.

Ответственность предполагает активную жизненную позицию, инициативное отношение личности ко всем видам и формам своей жизнедеятельности. При социализме различные социальные роли дополняют и обогащают друг друга. Только при этом условии происходит сочетание личных и общественных интересов.

Развитой социализм — общество высокой зрелости и экономики, и социальных отношений, и политики, и культуры. Все это открывает новые перспективы для всестороннего развития личности, дает возможность каждому формировать систему своих социальных ролей так, чтобы удовлетворять реальные потребности и общества, и свои собственные.

Список литературы: 1. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по расширению сети средних сельских профессионально-технических училищ и по улучшению их работы. 28 янв. 1975 г. — В кн.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 11.—М.: Политиздат, 1978, с. 496—501. 2. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о дальнейшем совершенствовании процесса обучения и воспитания учащихся системы профессионально-технического образования. 30 авг. 1977 г. — В кн.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 12.—М.: Политиздат, 1978, с. 522—530. 3. Постановление ЦК КПСС о дальнейшем улучшении идеологической, политико-

воспитательной работы. 6 мая 1979 г. — Правда, 1979, 6 мая. 4. *Буева Л. П.* Личность и ее социальная деятельность. — В кн.: Очерки методологии познания социальных явлений. — М.: Мысль, 1970, с. 160—213. 5. *Кон И. С.* Люди и роли. — Новый мир, 1970, № 12, с. 168—191. 6. *Кон И. С.* Открытие «Я». — М.: Политиздат, 1978. — 367 с. 7. *Парыгин Б. Д.* Основы социально-психологической теории. — М.: Мысль, 1971. — 351 с.

В. В. КОРЖЕНКО

О ПОНЯТИИ И СТРУКТУРЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЛИЧНОСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Вопросы структуры мировоззрения личности социалистического общества являются актуальными в философско-социологической литературе [5; 6; 7; 9; 10 и др.]. В вышедших в последнее время монографиях, статьях мировоззрение определяется: а) как глубокие, устойчивые коммунистические убеждения [16, с. 212]; б) как совокупность взглядов на окружающий мир, форма проявления марксистско-ленинской идеологии [12, с. 47]; в) как знания об отношении «человек — человеческий мир», убеждения, оценки [14, с. 109 — 110]; г) как логическая система знаний, убеждений, выражающих отношение человека к миру, его главные ценностные ориентации [10, с. 138]; д) как обобщенные продукты научного познания природы и общества, выступающие в форме философских и других идей, убеждений и нравственных норм [13, с. 3; 15, с. 39]. Такая поливариантность определений является свидетельством сложности, многоплановости мировоззрения как общественного явления.

Наиболее правильным представляется последнее понимание, опираясь на которое можно раскрыть содержание и структуру мировоззрения личности социалистического общества. Думается, что основным методологическим принципом исследования данного феномена должно быть требование анализа мировоззрения как атрибута сознания личности, складывающегося в процессе ее жизнедеятельности, во всей совокупности ее общественных отношений.

Нередко в литературе встречаются такие понятия, как «научное мировоззрение», «диалектико-материалистическое мировоззрение», «коммунистическое мировоззрение». Во-первых, считаем целесообразным высказать ряд замечаний по поводу данных понятий. Во-вторых, остановимся на анализе понятия и структуры мировоззрения личности социалистического общества, которое мы отличаем как от понятия «мировоззрение личности» вообще, так и от понятия «общественное мировоззрение», так как носителем мировоззрения личности социалистического общества выступает отдельная личность, а общественного мировоззрения — класс или общество в целом (в СССР новая общность людей — советский народ). Подобно тому как

общественное сознание не является простой суммой составляющих его сознаний отдельных людей, так и общественное мировоззрение не есть простая сумма мировоззрений отдельных личностей.

Понятие «научное мировоззрение» указывает на его гносеологический аспект. Уровень научности в мировоззрении общества, класса и отдельных личностей различен. «Диалектико-материалистическое мировоззрение» указывает на диалектико-материалистический метод мышления личности, класса, способ «видения» мира. «Коммунистическое мировоззрение» включает систему политических, философских и экономических воззрений, воплощенных в составных частях марксизма-ленинизма: теории научного коммунизма, диалектического и исторического материализма, научной политической экономии. Однако этим, на наш взгляд, не исчерпывается объем понятия «коммунистическое мировоззрение». В широком смысле оно включает в себя систему научных представлений о мире, диалектико-материалистический метод мышления, познания и преобразования мира. Сердцевиной коммунистического мировоззрения является марксизм-ленинизм в целом, а его теоретической основой — марксистско-ленинская философия.

Общепризнанно, что специфика мировоззрения заключается в том, что его предметом является не окружающий человека мир как таковой, абстрактный «мир в целом», противостоящий человеку, а сам человек в его отношении к миру, отражающемуся в его сознании. Анализ понятия и структуры мировоззрения личности невозможен без анализа сущности личности, как субъекта труда, субъекта познания, члена общества, коллектива, активного деятеля общественного развития [6; 17], ибо, по выражению К. Маркса, «...сущность человека есть не абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [1, т. 3, с. 30]. Марксистско-ленинские принципы формирования личности позволяют на подлинно научной основе раскрыть процесс становления сознания и мировоззрения, которое «..является неотъемлемым атрибутом человеческого сознания» [17, с. 8].

В качестве исходного пункта для анализа сознания марксизм берет чувственно-предметную деятельность человека, общественно-историческую практику, преобразующую и внешний мир, и самого человека. Единство труда, сознания и общения — основные принципы исторического материализма в трактовке сознания личности.

Раскрывая сущность мировоззрения, покажем *роль знаний в его структуре*. При этом необходимо иметь в виду, что сознание и знание существуют и развиваются как определенные исторически складывающиеся, опосредствованные материальными отношениями людей, не тождественные по своему объему феномены. Их соотношение, глубокое взаимное проникновение

выражаются в том, что, согласно Марксу, способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, — это знание [2, с. 633]. Однако из этого не следует, что сознание и знание — одно и то же. Словами Маркса мы подтверждаем только общее между ними, а равно между ними и мировоззрением. Различие же заключено в том, что сознание есть не только знание, но и способность осмысливать, добывать, теоретически обобщать, интерпретировать и использовать научные знания в практических целях. Сознание формируется и функционирует в сущности своей как знание, но не есть только само знание, которое всегда меньше по объему, чем сознание, поскольку последнее включает в себя и переживания человека, его способности и т. д. Отсюда следует, что, являясь идеальным по своему происхождению, мировоззрение и сознание личности равны знанию лишь в определенных пределах и определяются главным образом как общественным бытием, так и бытием отдельной личности. Но если в *сознании* личности происходит отражение, осмысливание всего многообразия различных сторон человеческого бытия, то в *мировоззрении* личности, как и в системе ее знаний, осмысливаются и отражаются не отдельные стороны бытия, а наиболее существенное в мире, таящее глубокий социально-политический смысл и жизненно важное значение для общества и личности, в связи с чем мировоззренческие коммунистические положения носят всегда, во-первых, характер обобщенных знаний, а во-вторых, выполняют роль исходных принципов в процессе мотивации поведения и практической деятельности субъекта [16, с. 45; 18, с. 51]. В этом смысле знание, включенное в состав мировоззрения, — это, главным образом, *картина мира*, выражающая прошлое, настоящее и являющаяся научной основой построения будущего в виде идеального образа предметного бытия.

Таким образом, система мировоззренческих взглядов адекватна *научной картине мира*, которая складывается путем «приведения в правильную связь между собой отдельных областей знания» [1, т. 20, с. 366], ибо «человек не может охватить = отразить = отобразить природы *всей*, полностью, ее «непосредственной цельности», он может лишь *вечно* приближаться к этому, создавая абстракции, ...научную картину мира...» (разрядка наша. — В. К.) [3, т. 29, с. 164].

На наш взгляд, *научная картина мира* — цельная и стройная система философских, экономических, социально-политических, естественных и других знаний. Однако, признавая картину мира сущностным структурным элементом мировоззрения личности, необходимо внести некоторые уточнения и пояснения. Во-первых, мировоззрение личности формируется всем образом жизни советского общества. Уровень развития производительных сил и производственных отношений, достижения научно-технической революции, социальное и духовное развитие обще-

ства приводят к некоторому изменению картины мира, а следовательно, и мировоззрения личности. Во-вторых, становление и формирование мировоззрения личности социалистического общества целенаправлено системой определенных учреждений, организаций и специальных видов обучения (детские учреждения, школа, спецучилище, вуз, комсомол, политехучеба и т. д.), т. е. для мировоззрения личности, которое является относительно целостным образованием, характерна динамичность [5, с. 26—28; 19, с. 34]. Однако в философской литературе понятие «мировоззрение личности» нередко представлено как статическое образование. А между тем, по нашему мнению, именно в динамике мировоззрения личности важно определить уровни его становления. Общеизвестно, что становление сознания и самосознания личности происходит уже в школьные годы. Именно в этот период осуществляется «переход к сознательному выбору моральных ориентаций, формирование мировоззрения — своих собственных взглядов на мир и место в нем человека» [11, с. 32].

Общее научное образование и политехническое обучение открывают человеку научную картину природы и общества, а также материального производства, в котором люди воздействуют на природу, так или иначе изменяют ее. Отсюда следует, что гармоничное сочетание в учебном плане (как и в практике школы) естественнонаучного и гуманитарного циклов дисциплин закладывает определенную основу научного мировоззрения.

Формирование коммунистического мировоззрения у всех трудящихся является объективной необходимостью периода зрелого социалистического общества, в котором уже сегодня, как отмечалось на XXV съезде КПСС, — «господствует научное материалистическое мировоззрение» [4, с. 87]. Достижение этой цели предполагает, в частности, как теоретическое определение структуры мировоззрения личности социалистического общества, так и выяснение путей, средств его осуществления. Исходными моментами механизма формирования научной картины мира выступают основные понятия, категории, установки как итог познания, в котором резюмируется определенная совокупность знаний, результат «научно-теоретического поиска истины» [6, с. 11]. Возникает вопрос, каким образом личность может усвоить такие понятия, категории. Прежде всего это происходит за счет развития общей философской культуры каждой личности и общества в целом. С одной стороны, «философизация образования», т. е. обращается серьезное внимание на необходимость повышения теоретического и методологического уровня изложения изучаемых предметов, необходимости рассмотрения философских вопросов на всем протяжении курса в прямой логической связи с программным материалом, особенно при его обобщениях, необходимость развития творческого мышления учащихся и студентов.

С другой стороны, «идеи марксистско-ленинской философии овладевают сознанием масс, прежде всего как мировоззренческая основа социалистической идеологии и социалистической культуры вообще. Реальное бытие марксистской философии — это не книги, а общественное сознание, исторически первоначально социалистическое сознание рабочего класса и его революционной партии» [6, с. 11]. Мировоззренческие установки марксистской философии входят в духовную культуру общества, которую индивид усваивает с детства, в процессе первичной социализации, воспитания, а затем и образования, в том числе философского.

Мировоззрение личности социалистического общества, как было отмечено выше, являясь динамической системой знаний, картиной мира, изменяющейся в сознании человека, вместе с тем включает в себя второй важнейший элемент — *диалектико-материалистический метод мышления*, познания и преобразования объективной реальности. «Метод..., — по выражению М. И. Калинина, — выступает как инструмент, при помощи которого мы правильно определяем наше политическое, общественное и личное поведение... самое могущественное орудие человека в его практической жизни» [8, с. 127]. Идеино-методологическим ядром коммунистического мировоззрения, всего марксистско-ленинского учения является диалектика в широком смысле слова — как наука о наиболее общих законах всякого развития и как методология революционного мышления и революционного действия, которая, по выражению Ф. Энгельса, «прорывая узкий горизонт формальной логики, содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения» [1, т. 20, с. 138].

О фундаментальности общемировоззренческого значения диалектики мышления свидетельствуют и слова Ф. Энгельса о том, что, «когда естествознание и историческая наука впитают в себя диалектику, лишь тогда весь философский скерб — за исключением чистого учения о мышлении — станет излишним, исчезнет в положительной науке» [1, т. 20, с. 525]. На мировоззренческий аспект диалектики неоднократно указывал В. И. Ленин [3, т. 26, с. 48].

Исходя из того, что мировоззрение личности социалистического общества является постоянно развивающимся явлением, важно отметить еще один элемент, раскрывающий сущность коммунистического мировоззрения — его *социально-классовую сориентированность*. Динамизм мировоззрения проявляется не в обстановке мыслительно-созерцательного вакуума, а в ходе непосредственного участия личности в революционном преобразовании мира, в коммунистическом строительстве. Таким образом, мировоззрение личности социалистического общества есть не просто «миросозерцание», «миропонимание», ибо личность не только созерцает и понимает мир

благодаря созданной в сознании определенной картины мира, которая является истинным отражением в обобщенной форме реально существующего мира. Оно и орудие, а вместе с тем и результат «миропреобразования» — практической деятельности личности. Иначе как через посредство жизнедеятельности личности мы не можем определить и говорить о ее мировоззрении.

Чаще всего под практикой понимают практическую деятельность личности, класса, общества — материальную деятельность в сфере производства, в области политических и других идеологических отношений, а также эксперимент. Реальным базисом формирования личности является совокупность ее общественных по своей природе отношений к миру, но отношений, которые реализуются, а они реализуются ее деятельностью, точнее, совокупностью ее многообразных деятельностей. Человеческая деятельность не существует иначе, как в форме действия или цепи действий. Так, трудовая деятельность существует в трудовых действиях, учебно-познавательная деятельность — в учебно-познавательных, деятельность общения — в действиях (актах) общения и т. д. При этом следует подчеркнуть, что в общественных условиях, обеспечивающих всестороннее развитие личности, умственная деятельность не обособляется от трудовой, т. е. они, как «внутренняя» и «внешняя», являются взаимосвязанными. В обществе развитого социализма на наших глазах происходит все более тесное переплетение и сближение умственного и физического труда — духовной и материальной форм деятельности.

Личность многокачественна в своей трудовой, общественно-политической, познавательной, научной и другой социальной деятельности, которая постоянно развивается, обогащая сознание личности и ее мировоззрение. Отсюда существование различных уровней и аспектов мировоззрения личности, его функций и типов.

Таким образом, анализируя становление и развитие мировоззрения личности, необходимо, во-первых, иметь в виду, что оно связано со становлением и развитием ее самосознания, т. е. на различных этапах становления личности (в физиологическом, психологическом и социальном аспектах) можно выделить и различные уровни мировоззрения. Важно не просто констатировать наличие обыденного и теоретического уровней мировоззрения, а разобраться в его динамике, показать пути формирования. Здесь необходим контакт философов, социологов, психологов и педагогов. Во-вторых, так как личность сама по себе социальный феномен, функции ее мировоззрения в конечном итоге также носят социальный характер. Мировоззрение личности позволяет определить ее жизненную позицию, глубокие моральные убеждения, богатую духовную культуру, волю и основные черты характера, служит побудителем к высоким нравственным поступкам, способствует формированию потреб-

ностей в познании окружающей действительности, открывает широкие горизонты объективного видения мира, что позволяет личности соотнести жизненные цели и образы желаемой жизни с реальными успехами и условиями их осуществления в общественно планированном и объективно прогнозированном будущем.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что мировоззрение личности социалистического общества включает в себя, с нашей точки зрения, в качестве основных следующие структурные элементы: а) научную картину мира; б) диалектико-материалистический метод мышления; в) коммунистическую сориентированность практической деятельности личности. В своем единстве они и составляют коммунистическое мировоззрение.

Список литературы: 1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., изд. 2-е. 2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. — М.: Госполитиздат, 1956. — 689 с. 3. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 4. Материалы XXV съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1976. — 256 с. 5. *Дениско Л. Н.* Структура мировоззрения личности социалистического общества (социологический аспект). — Дис. на соиск. учен. степени канд. филос. наук. — Харьков: 1973. — 186 с. 6. Диалектический и исторический материализм — философская основа коммунистического мировоззрения /Пред. ред. коллегии В. И. Шинкарук. — Киев: Наукова думка, 1977.—347 с. 7. *Иванов В. Г.* Физика и мировоззрение. — Ленинград: Наука, 1975. — 117 с. 8. *Калинин М. И.* О коммунистическом воспитании. — М.: Молодая гвардия, 1956. — 382 с. 9. Коммунистическое воспитание студентов /Отв. ред. В. Г. Антоненко. — Киев: Вища школа, 1977. — 232 с. 10. *Кон И. С.* Психология юношеского возраста. — М.: Просвещение, 1979. — 176 с. 11. *Николаичев Б. О.* Осознаваемое и неосознаваемое в нравственном поведении личности. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. — 96 с. 12. Преподавание политической экономики и коммунистическое воспитание студентов /Общая ред. Ю. И. Палкина. — Киев: Вища школа, 1976. — 224 с. 13. Преподавание философии и коммунистическое воспитание студентов /Руковод. авт. кол. Г. Г. Вдовиченко. — Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1978. — 174 с. 14. *Саркисян Саркис.* Формирование научного мировоззрения — сущность коммунистического воспитания студентов. — Философские науки, 1979, № 1, с. 108—113. 15. *Федосеев П. Н.* Философия, мировоззрение, наука. — Проблемы мира и социализма, 1978, № 12, с. 39—44. 16. Формирование мировоззрения нового человека /Руковод. авт. кол. М. А. Парнюк. — Киев: Политиздат Украины, 1977. — 248 с. 17. Человек и мир человека /Отв. ред. В. И. Шинкарук. — Киев: Наукова думка, 1977. — 344 с. 18. *Черноволенко В. Ф.* Мировоззрение и научное познание. — Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1970. — 173 с. 19. *Хмелько В. Є.* Світогляд особи: психологічна структура і функції. — Філософська думка, 1972, № 3, с. 30—38.

А. И. ГОЛОВИН, канд. филос. наук

ЗНАЧЕНИЕ ЛЕНИНСКОГО АНАЛИЗА «ЕСТЕСТВЕННОИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА» ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА-МАТЕМАТИКА

В философской литературе исследуется значение этого анализа для оценки мировоззрения ученых и достижений естествознания в современных странах капитализма или в период

становления его производительных сил [14, с. 90—114; 15, с. 122—123; 17, 1965, № 8, с. 98—104]. Данная статья — о роли частных наук в формировании мировоззрения советского специалиста в вузе. Она нацелена на разработку методологического аспекта уровней сформированности именно научного мировоззрения и в этой связи — «философских вопросов» математики на основе категорий исторического материализма.

Чтобы оценить возможный уровень сформированности мировоззрения в изучении частных наук, обратимся к понятию «естественноисторический материализм» [2, т. 18, с. 367—378]. В. И. Ленин определяет его как «стихийное, несознаваемое, неоформленное, философски-бессознательное убеждение подавляющего большинства естествоиспытателей в объективной реальности внешнего мира, отражаемой нашим сознанием» [там же, с. 367]. Выделим важнейшие черты в определяемой концепции: а) убежденность в объективной реальности материи (и ее частиц), времени, пространства, закономерности природы [там же, с. 369]; б) признание адекватности научных данных реальным свойствам объекта исследования, но на уровне стихийно-материалистической теории познания [там же, с. 21, 39—40, 367—368, 372—374]; в) естественнонаучный историзм — в форме сравнительно-исторического метода или признания исторического развития природы и предмета науки, — т. е. на уровне стихийной диалектики [там же, с. 278—281, 285, 375—376, 378]. «Объективность», «адекватность», «историзм» позволяли естественноисторическому материализму, как определенной концепции естествоиспытателей, противостоять засилью религии, теологии, идеализма во взглядах на природу. Мировоззренческий характер этой концепции выразился также в разработке понятий «мир» (или «вселенная»), «субстанция», научной картины мира, в размышлении о «сущности, первопричине и возникновении мира» [5, с. 483—485]. Фактическая партийность концепции обнаружилась и в наступательной критике мировосприятия типа узкого, ограниченного специалиста, который стремится в своей замкнутой области к высшей точности и математической строгости всех единичных знаний и остается совершенно слепым в познании великого целого.

Другие черты характеризуют слабость рассматриваемой концепции: г) ограниченность областью естественнонаучного познания природы и философски-бессознательным уровнем его; д) отсутствие теоретического осознания проявления партийности в естествознании, порой даже заявления о «беспартийности» [2, т. 18, с. 371]. В. И. Ленин дает оценку такой концепции: философская наивность, отсутствие определенных партийных целей. Отмеченные слабости обнаружались в ряде вопиющих нелепостей насчет политики, в неспособности сладить с общественными вопросами своей науки [там же, с. 377].

Чрезвычайно важны выводы, которые делает В. И. Ленин, анализируя естественноисторический материализм: во-первых, он есть факт неразрывной связи стихийного материализма естествознания с философским материализмом как направлением [там же, с. 367—368]; он — историческая форма этой связи. Во-вторых, необходимо расширение его до *исторического материализма*. В. И. Ленин цитирует при этом марксиста Франца Меринга: «проникнуться сознанием того, насколько необходимо расширить естественноисторический материализм до исторического материализма, чтобы сделать его действительно непреодолимым оружием в великой освободительной борьбе человечества» [там же, с. 377—378].

Выделенные ранее черты и оба вывода в целом характеризуют также форму развития мировоззренческой концепции в *математической науке*. Декартова переменная величина (XVII в.) была, как известно, «поворотным пунктом в математике»: «Благодаря этому в математику вошли *движение* и тем самым *диалектика*», — замечает Ф. Энгельс [1, т. 20, с. 573]. В XVIII в. в России естественнонаучный материализм вырос на почве, в частности, математического знания, на основе признания, что мир геометризован и что явления протекают строго определенным образом в рамках математических закономерностей. Причем представления о математической определенности мира имели в работах ученых выраженный антимистический характер. В трактовке математических понятий было свойственно апеллировать к физической картине мира [14, с. 90—114]. Укрепление духа материализма в математике обуславливалось прежде всего потребностями развивающегося материального и духовного производства эпохи становления капиталистической формации.

Говоря о значении XVIII в. для истории Англии, Ф. Энгельс отмечал: «Знание стало наукой и наука приблизилась к своему завершению, т. е. сомкнулась, с одной стороны, с философией, с другой — с практикой» [1, т. 1, с. 599]. Эта тенденция более зримо обнаруживает себя в XX в., в частности в условиях НТР, — во взаимном проникновении науки и производства; а в обучении, как познавательной деятельности, — в его связи с коммунистическим строительством и философией марксизма-ленинизма.

Указание Ф. Энгельса, что современный материализм — это «мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках» [1, т. 20, с. 142], стало руководством к постановке формирования научного мировоззрения в преподавании специальных наук. Важно при этом не забывать, что речь идет о тенденции к слиянию марксистской философии и специальных наук, а не об оформившемся на сегодня результате [7].

В этот как бы «переходный период» принципиальное значение имеет завещанный Лениным их союз [2, т. 18, с. 266, 331 — 332, 380, т. 45, с. 23—33]. Необходимость его диктуется логикой революционного развития естествознания и борьбы против натиска буржуазных идей. Он нужен также для систематического изложения наук и формирования научного мировоззрения в их преподавании. Значение союза, таким образом, не исчерпывается связью философии и наук в решении трудных гносеологических вопросов: последнее — основа идейно-политической, организационно-практической, педагогико-воспитательной и иных его функций и сторон.

В возвышении специальнонаучного познания к философскому важны, во-первых, общенаучные категории и средства [19, 1979, № 1, с. 43—44, 52]; во-вторых, категориальные формы «философские вопросы», «философский вывод» и пр. Эти формы не могут быть содержанием всякого мировоззрения (как общепсихологические элементы «взгляды», «убеждения» и «идеалы»). Они — формы философского мышления или восхождения к нему от дофилософского ограниченно научного мировоззрения. Поэтому их углубленное изучение — шаг к уяснению механизма преодоления последнего у специалиста.

В этом преодолении необходимую помощь может оказать только теоретическое мышление, которое суть исторический продукт. Поэтому наука о мышлении, замечает Ф. Энгельс, есть наука об историческом его развитии. В этой связи он указывает, во-первых, на значение диалектики: «Именно диалектика является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой» [1, т. 20, с. 367]; во-вторых, — на то, что знакомство с историческим развитием мышления необходимо для теоретического естествознания потому, что дает масштаб для оценки выдвигаемых им самим теорий. Конечно, движение к диалектическому естествознанию может проложить себе путь стихийно, под напором самих естественнонаучных открытий. Путь значительно может быть сокращен, если поближе познакомиться с диалектической философией: из домарксовых форм Ф. Энгельс называет древнегреческую и классическую немецкую от Канта до Гегеля, а в качестве исторически высшей — диалектический метод Маркса, данный в «Капитале» [1, т. 20, с. 368 — 372].

Положив указание об исторически высшей форме диалектики в основу изучения мировоззренческих вопросов математики, учтем, что эту науку нужно исследовать не только в общеполитическом плане — отношения ее к объективной реальности вообще. Но, как общественное явление, — в системе материального и духовного производства. Следовательно, в качестве фило-

софского аппарата (логики и теории познания развития науки) необходим исторический материализм [4, с. 24 — 26; 16]; последний суть *диалектика, логика и теория познания* общественно-исторического процесса в целом; и поэтому диалектика (воплощенная в историческом материализме) — аналог и тем самым метод объяснения также развития науки как отражения развития общества, метод изучения науки как общественного явления. Таковы некоторые общетеоретические истоки подхода к научному мировоззрению советского специалиста.

Живой интерес вызывает вопрос о возможном уровне сформированности мировоззрения учащегося в условиях определенного типа учебного заведения. Обозначилось различие уровней — теоретического (научного) и обыденного мировосприятия, что, конечно, ценно. Вопрос, однако, в том, каков критерий такого различения, по отношению к чему уровень выступает «теоретическим (научным)»: скажем, к познанию природы? Тогда он исчерпывается теоретическим уровнем научного познания ее и не выходит за этот предел. Мировоззрение специалиста здесь ограничено научное, как следует из сути «естественноисторического материализма», проанализированного В. И. Лениным. Иное дело, если теоретический уровень выделяют в отражении «мира человека» как единства отношения к обществу, природе и познанию, на основе материального производства.

Как видим, проблема теоретического уровня мировоззрения специалиста — своеобразный гордиев узел. Подойдем к нему со стороны «естественноисторического материализма». Будучи высшим уровнем, предшествующим научному (марксистскому) философскому материализму, он — фактическая граница их раздела. Как таковой он важен сегодня: учитывая известное замечание В. И. Ленина, что специалист придет к признанию коммунизма через данные своей науки [2, т. 42, с. 346], по-видимому, оправданно считать естественноисторический материализм определенным моментом восхождения от ограниченно научного к научному мировоззрению — марксизму-ленинизму [2, т. 26, с. 48].

Как средство и само движение к нему важны методологические проблемы науки. Но учебная программа по математическим дисциплинам (в школе и вузе) слабо ориентирует преподавателя на мировоззренческий аспект, в большинстве вузов сохранился старый «идеал» введения в их суть — внутренне замкнутое изложение без указаний на происхождение понятий и выходы теории в практику [6, с. 3]. Обусловлено это отчасти недостаточным уровнем методологических разработок [см., напр.: 9, с. 86 — 91; 10, с. 51 — 92]. В них слабо выражен *социологический аспект*: содержатся лишь отдельные ссылки на роль этой науки в обществе, без привлечения философских понятий ее как непосредственной производительной силы общества и субъективного фактора его развития, без конкретно-историче-

ского уяснения ее роли в идеологической борьбе. Складывается впечатление, будто преподаватель и методолог, используя группу категорий «диалектического материализма» (как учебного предмета) — материя, отражение, пространство, время, количество, противоречие, истина и т. д., останавливается в нерешительности перед категориями «исторического материализма» (как учебного предмета).

Все это снижает идейно-теоретический уровень изложения и позже может обнаружиться в нечеткой идейной позиции специалиста, особенно недопустимой в обстановке усложняющейся идеологической борьбы.

Какие конкретно предложения следуют из всего сказанного? **Первое:** различать в понятии уровни (и подуровни) научно-мировоззрения. Так, 1-й — **уровень ограничения научного (философски-бессознательного) мировоззрения** — включает следующие пограничные подуровни: *начальный* — фактически научные взгляды, навыки объяснения причин явлений из самой природы и т. д.; однако, доведенный до абсолютизации, как самостоятельный, он дает тип узкого, ограниченного специалиста; *верхний* — мировоззренческая концепция естественноисторического материализма (с ее сильной стороны). Этот уровень еще не гарантирует от случаев технологических оценок, «отказа» от партийности своей науки и т. д.

2-й — **зрелый уровень научного мировоззрения марксизма-ленинизма**. Сложившаяся практика образования в вузе фактически обусловила выделение стадий (или подуровней) его формирования: *подготовительную* — усвоение основ специальных наук и общефилософских категорий учебного курса «диалектического материализма»; *зрелую* — когда философско-социологическая теория, данная в учебном курсе «исторического материализма», становится способом самосознания специалиста, его отношения к миру и более глубокого уяснения общефилософских категорий. Так идет усвоение принципа партийности в философии и естествознании: на первой стадии — с выделением его гносеологического и социально-классового аспектов, а на второй — углубление его содержания на основе категорий «класс», «классовый интерес» и «классовая борьба», «идеология» и «идеологическая борьба» и др. Вторая стадия суть теоретическое, философски-сознательное оформление общественно-политической зрелости специалиста.

Уровни имеют различную социальную детерминацию и ориентиры: в первом — ориентир на природу, ее освоение, на технику, как абсолютный, подавляющий другие; во втором — на общество, отношение к природе и технике, подчиненные общественному интересу. Ориентиры суть отражения господствующих в обществе материальных и идеологических общественных отношений, классового интереса.

Для первого уровня как самостоятельного в условиях социализма нет социально-классовых основ: общественные отношения и идеология направлены на воспитание у всех подлинно научного мировоззрения — марксизма-ленинизма. В чем тогда *смысл* введения концепции первого уровня сформированности научного мировоззрения у специалиста применительно к условиям социализма? Во-первых, для оценки потенциальных возможностей частных наук, их роли как области, момента и фактора в формировании мировоззрения. Во-вторых, — она суть предостережение о том, к чему ведет изоляция частных наук от общественных и абсолютизация роли первых в деле подготовки специалиста; предостережение от узкого, «технологического» подхода к решению вопросов профилирующих наук и воспитания в их преподавании. И сегодня этот смысл важен [6, с. 3; 19, 1979, № 1, с. 108—109]. В-третьих, она важна для формирования у советского специалиста общественно-исторического и критического отношения к мировоззрению специалиста капиталистической формации.

Второе предложение о том, как обеспечить формирование зрелой стадии мировоззрения и как философия исторического материализма выступает теорией познания отдельной науки, методологией ее как социального явления? Обратимся к функциям математики в обществе.

Прежде всего о ее социально-практических функциях. В условиях НТР и эта наука превращается в непосредственную производительную силу общества. На сегодня более 80% всего мирового парка ЭВМ занято в области производственной деятельности человека, в экономике и управлении [11, с. 166]. Коренной вопрос заключается в следующем: как математика может быть непосредственной производительной силой общества? Опосредующими звеньями опредмечивания умственных функций и диалектического взаимопроникновения противоположностей (идеальное — материальное) являются знаковое математическое моделирование и математический машинный эксперимент. Пути указанного превращения: а) изменение интеллектуального потенциала главного элемента производительных сил — рабочего, результативности его труда; б) воплощение в вещественном («вещном») элементе производительных сил, автоматизации производства на базе ЭВМ и информационной техники; в) функционирование автоматизированных систем обработки информации (АСОИ) и АСУ предприятиями, технологическими процессами производства, территориальными организациями, министерств и ведомств. XXIV и XXV съезды КПСС определили задачу формирования единой общегосударственной системы сбора и обработки информации для учета, планирования и управления (ОГАС). При том же объеме основных фондов и числе работающих эта система, по оценке специалистов, позволит *вдвое* увеличить количество продукции машиностроения и строительства.

В целом изучение социально-практических функций математики требует соединения общеносеологических категорий «математическая модель», «математический машинный эксперимент» и др. с категориальным рядом «материальное производство» исторического материализма.

Далее — мировоззренческие функции математического знания. Они остро выявляются при исследовании их включенными в общественное сознание. У К. Маркса и В. И. Ленина находим ряд положений о роли статистики в деле упрочения научной политической идеологии в сознании рабочего класса, для выявления им своего положения в классовой борьбе [1, т. 16, с. 195—196; см. по: 8, с. 699—700]. Ф. Энгельс привлекает математические образы в письмах об историческом материализме 1890—1894 гг. Предпосылкой использования математических образов и структур является подход к обществу как естественнoисторическому процессу, материалистическое понимание законов, их количественный аспект и корректное математическое отображение.

Острее функции математики в обществе (и практические и мировоззренческие) выявляются в идеологической борьбе. XXV съезд КПСС указал на необходимость высокой политической бдительности. В идеологических диверсиях против коммунизма буржуазные теоретики используют, в частности, аппарат математики [2, т. 45, с. 31—33; 3, с. 41; 12, с. 46—48, 72—75; 13, с. 86—100]: для создания психологического эффекта объективности и проникновения в общественное сознание трудящихся масс. Гносеологическим корнем такого использования математических форм (структур) является абсолютизация их относительного безразличия к определенному социологическому содержанию, игнорирование конкретно-исторического подхода; корень закрепляется классовым интересом буржуазии сегодня. Возрастающая роль в обществе информационной техники, ЭВМ фетишизируется в буржуазном мировоззрении: создан «новый» миф о «постиндустриальном» — «информационном обществе», лишенном пороков буржуазного строя [18, 1977, № 7, с. 46—54, № 10, с. 60—66]. Миф генетически связан с «технологическим детерминизмом». Сказанное о мировоззренческих функциях математического знания, образов и моделирования в системе общественного сознания означает также необходимость синтеза соответствующих общеносеологических и философско-социологических категориальных рядов.

Третье предложение: о спецкурсе по философским вопросам профилирующих дисциплин с общесоциологическим уклоном. Такой спецкурс сближает преподавание специальнаучных и общественных дисциплин, усиливает взаимно воспитательную роль каждой из них. Предлагается его тема: «Социально-практические и мировоззренческие функции математической науки в обществе» (10 ч.). Лекция 1-я — «Методологическая роль

марксистско-ленинской философии в познании математической науки как общественного явления» (вопросы: 1. Основной философский вопрос математики. 2. Диалектика и математика. 3. Категории исторического материализма в познании математики). Лекция 2-я — «Математика как наука в системе общественного производства различных общественно-экономических формаций» (вопросы: 1. Становление количественных и математических представлений в позднем палеолите. 2. Рождение математики как опытной и теоретической науки в рабовладельческом обществе. 3. Математика в условиях почти абсолютного господства религии и феодальных общественных отношений. 4. Движение математики в условиях становления и развития машинного производства, буржуазных общественных отношений и идеологии. 5. Математическая наука в социалистическом обществе). Лекция 3-я — «Математическая наука в структуре научно-технической революции» (вопросы: 1. Как математика может быть непосредственной производительной силой общества? Социально-практические функции математики в обществе зрелого социализма. 2. Функции современной информатической техники, ЭВМ в зеркале буржуазной концепции «информационного общества»). Лекция 4-я — «Математическое знание в общественном сознании в современной идеологической борьбе» (вопросы: 1. Математическая наука в общественном сознании зрелого социализма; ее мировоззренческие функции. 2. Средства математики в «доказательствах» и идеологических диверсиях антикоммунизма). Лекция 5-я — «Формирование научного мировоззрения специалиста в преподавании математических наук в вузе — общефилософский и философско-социологический аспекты» (вопросы: 1. Уровни научного мировоззрения. 2. Философские выводы и обобщения в математике. 3. Формы идейной закалки специалиста).

Таковы предложения по повышению эффективности формирования научного мировоззрения и их теоретические истоки в целом.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Брежнев Л. И. Возрождение. — М.: Политиздат, 1978. 4. Бухалов Ю. Ф. О соотношении практики и познания /Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра филос. наук. — Харьков, 1972. — 28 с. 5. Геккель Э. Мировые загадки. — М.: ОГИЗ, 1937. — 563 с. 6. Гнеденко Б. Математика на каждый день. — Правда, 1978, 4 янв. 7. Іваніщенко А. О. Про деякі особливості природознавства і філософії майбутнього. — Вісник Харківського університету, № 29; серія філософії, вип. 4, 1968, с. 82—91. 8. Крупская Н. К. Педагогические сочинения. Т. 9. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. — 840 с. 9. Потоцкий М. В. Преподавание высшей математики в педагогическом институте (Из опыта работы). — М.: Просвещение, 1975. — 208 с. 10. Проблеми вищої школи, вип. 17. — К.: Вища школа, 1974. — 120 с. 11. Развитие техники в СССР (1917—1977). — М.: Наука, 1978. — 200 с. 12. СССР. 100 вопросов и ответов. — М.: Изд-во АПН, 1978. — 160 с. 13. Техника дезинформации и обмана. — М.: Мысль, 1978. — 248 с. 14. Уткина Н. Ф. Естественнонаучный материализм в России XVIII века. — М.: Наука, 1971. — 200 с.

15. Философская энциклопедия. Т. 2. — М.: СЭ, 1962 16. Юрова И. Л. Материалистическое понимание истории и естествознание. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. — 255 с. 17. Вопросы философии. 18. США — экономика, политика, идеология. 19. Философские науки.

В. В. ХРАБРОВ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИЙ БАЗИСА И НАДСТРОЙКИ

Категории «базис» и «надстройка» занимают одно из центральных мест в теории материалистического обоснования истории. Классическое определение этих категорий дано К. Марксом: «В общественном производстве своей непосредственной жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» [1, т. 13, с. 6—7]. Вычленив «из разных областей общественной жизни области экономической... из всех общественных отношений — *отношений производственных*, как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения» [2, т. 1, с. 134], классики марксизма раскрыли тем самым «...самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства» [1, т. 25, ч. II, с. 354]. Государство, политика, право, философия, религия, различные умонастроения и т. п., природа которых оставалась тайной, в категории «надстройка» обрели свое законное место в теории общественного развития.

Таким образом, «базис» и «надстройка», как категории исторического материализма, получили определенный статус, согласно которому «базис» выражает социальную функцию материальных производственных отношений общества быть экономической основой для идеологических общественных отношений, соответствующих организаций и учреждений, а также для различных форм общественного сознания, что в своей совокупности отражается в категории «надстройка».

Однако в отдельных философских работах можно обнаружить попытки трактовать категорию базиса в «широком» и в «узком» смыслах. Так, В. П. Кузьмин утверждает, что «...в учении К. Маркса понятие базиса употребляется главным образом в двух смыслах. В более широком смысле К. Маркс говорит о реальном основании той или иной группы явлений. В более специальном смысле он говорит о базисе как о социально-

экономическом основании той или иной общественной системы» [4, с. 154]. В. П. Кузьминым, как в свое время Б. И. Бродским [3, с. 141], верно замечено, что употребление термина «базис» классиками марксизма довольно широко и неоднозначно. Действительно, К. Маркс говорит о базисе кругооборота ($D - T \dots P \dots T' - D'$), под которым понимается капиталистический «процесс производства вместе со специфическим, обусловленным им состоянием общества» [1, т. 24, с. 72]; о наемном труде как базисе капиталистического способа производства [1, т. 24, с. 386]; ремесле и мануфактуре как всеобщем базисе определенного общественного производства [1, т. 23, с. 496]; о техническом базисе промышленности и производства [1, т. 23, с. 497]; о базисе древнего мира и средневековья [1, т. 46, ч. 1, с. 192]; о земле, как о базисе коллектива в условиях «азиатского» способа производства [1, т. 46, ч. 1, с. 463]; о мировом рынке, как о базисе уничтожения капитала [1, т. 46, ч. II, с. 35]; о базисе присвоения [1, т. 46, ч. II, с. 393] и т. д.

Мы склонны считать, что в приведенных нами примерах понятие «базис» используется К. Марксом в значении, тождественном категории диалектической логики «основа», взятой в ее различных модусах: как сущность, субстрат, условие, предпосылка, причина и т. п. Так, говоря о потребительной стоимости как о вещественном базисе товара, К. Маркс употребляет понятие «базис» в смысле предпосылки: «...на деле же потребительная стоимость товара есть заранее данная предпосылка, вещественный базис...» [1, т. 46, ч. II, с. 393]. Говоря о мировом рынке как о базисе уничтожения капитала и о технике как о базисе производства К. Маркс употребляет термин «базис» в смысле, тождественном понятию «условие», ибо ни мировой рынок не может быть основой уничтожения капитала, ни техника — основой производства, поэтому К. Маркс, как правило, называет технику «техническим условием производства» [1, т. 23, с. 646].

Категория исторического материализма «базис» отличается от категории диалектической логики «основа» не только тем, что сфера ее применения ограничивается выражением социальной функции экономической структуры общества быть основой идеологической надстройки, а категория «основа» обозначает любое явление, которое служит в качестве определяющего существования и развитие производных явлений (в этом плане экономический базис есть частный случай основы вообще), но отличается и *качественно*: категория «экономический базис» служит и для выражения принципа материалистического монизма в марксистской теории общественного развития.

Категория «базис» имеет статус категории исторического материализма исключительно как экономическая основа того, что мы выше включили в категорию «надстройка».

Соблазн трактовки категории базиса то в более широком, то в узком смысле можно в какой-то мере объяснить еще и тем, что у исследователей возникает потребность в выражении структуры реального экономического базиса. Реальный базис общества представляет собой определенную систему субординированных отношений. Сами отношения, а также их субординация меняются в зависимости от того, на какой ступени общественного прогресса находится общество. В своем знаменитом «Введении» К. Маркс как раз и указывает на эту сторону дела: «Каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому точно так же определяют место и влияние всех остальных отношений. Это — то общее освещение, в сферу действия которого попали все другие цвета и которое модифицирует их в особенностях. Это — тот особый эфир, который определяет вес всего того, что в нем имеется» [1, т. 46, ч. I, с. 43].

Действительно, при исследовании самой экономической структуры, экономического базиса классики марксизма вычлениют в нем наиболее существенные отношения, наиболее базисные». В то же время К. Маркс из всей совокупности производственных отношений выделял и «...вторичные и третичные, вообще производные, перенесенные, непервичные производственные отношения» [1, т. 46, ч. II, с. 46], роль которых в обосновании надстройки неодинакова. Поэтому вполне объяснимо, что, анализируя различные элементы экономической структуры общества, К. Маркс обращается к категории диалектической логики — основе, обозначая ее иногда и термином «базис» в силу терминологической синонимичности.

В данной статье мы хотели бы коснуться еще одного аспекта исследования категорий базиса и надстройки. Дело в том, что при всей разработанности этих категорий остается в тени вопрос об изменении степени «основательности» экономического базиса и обоснованности надстройки в ходе исторического развития. Объясняется это, по-видимому, тем, что в имеющихся работах, как правило, не фиксируется внимание на степенных характеристиках базиса и надстройки классиками марксизма. Однако логика исследования этих категорий требует рассмотрения экономической основы общественного развития в плане ее «основательности» и надстройки в плане ее обоснованности экономическими отношениями.

Взаимодействие базиса и надстройки — это взаимодействие двух сфер общественных отношений: материальных производственных и совокупности производных, идеологических отношений; этим сферам соответствуют и определенные формы деятельности, взаимосвязь между которыми реализуется посредством человеческих интересов.

В процессе экономической жизни людей складываются их интересы, осознание которых выражается в определенных формах деятельности по обеспечению условий их реализации. Следовательно, надстройка всегда опосредствована осознанием людьми, прежде всего классами, своих интересов. Сама же способность людей к осознанию собственных интересов обусловлена экономическим развитием общества. Поэтому мы будем считать «основательностью» экономической структуры общества ее возможности по обеспечению адекватности отражения, осознания людьми своих интересов и, наоборот, под степенью обоснованности надстроечных явлений будем понимать степень их тождественности экономическим отношениям. Основательность базиса и обоснованность надстройки определяется степенью их тождественности

Известно, что социальная система не является однозначно определенной. Воздействие базиса на надстройку осуществляется через сложную систему опосредствующих звеньев. «...Один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаружить в своем проявлении бесконечные вариации и градации...» [1, т. 25, ч. II, с. 354]. В силу этого экономический базис общества может отражаться надстройкой в несколько деформированной форме, то есть деформированной надстройкой. Однако, чем более развита экономическая структура общества, тем в меньшей степени она подвержена деформации в надстройке, так как развитость экономической структуры уменьшает влияние «разнообразных эмпирических обстоятельств» на формирование базисом своей надстройки, и как следствие — повышение степени их тождественности.

В плане тождественности базиса и надстройки, иными словами, в плане «истинности» надстройки, экономические формации значительно разнятся. Так, тотемизм, соответствующий определенному уровню развития первобытных производственных отношений, гораздо в меньшей степени адекватно отражает свою экономическую основу, чем диалектико-материалистическое мировоззрение — социалистические производственные отношения. Естественно, что не все элементы социалистической надстройки в равной мере адекватно отражают свой экономический базис, однако природа экономической структуры социализма такова, что его развитие все в большей степени обеспечивает «истинность» надстройки, причем по своей сути экономическая структура коммунистической формации не может стать границами своего собственного развития. Тем самым не ограничиваются принципиальные возможности адекватного отражения надстройкой своей экономической основы. В этом качественное отличие базиса и надстройки коммунистической

формации. «Строй, создаваемый коммунизмом, является как раз таким действительным базисом, который исключает все то, что существует независимо от индивидов...» [1, т. 3, с. 71], в том смысле, что общество строителей коммунизма «...представляет собой такое объединение индивидов (разумеется, на основе уже развитых к этому времени производительных сил), которое ставит под их контроль условия свободного развития и движения индивидов, условия, которые до сих пор предоставлялись власти случая...» [1, т. 3, с. 76].

Тождественность базиса и надстройки проявляет себя и в мере целостности социальной системы. «Если в законченной буржуазной системе,— писал К. Маркс,— каждое экономическое отношение предполагает другое в буржуазно-экономической форме и таким образом каждое положенное есть вместе с тем и предпосылка, то это имеет место в любой... органической системе. Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность» [1, т. 46, ч. I, с. 229]. Так, значительная часть нематериального производства в условиях домонополистического капитализма еще не имеет «ничего общего с капиталистическим способом производства в собственном смысле слова» [1, т. 26, ч. I, с. 420]. Отношения в рамках нематериального производства остаются по преимуществу не подчиненными капиталистическому производству. Духовное производство в условиях домонополистического капитализма еще не является производством, создающим прибавочную стоимость, а следовательно, оно еще некапиталистическое производство. Поэтому основательность капиталистического базиса будет развиваться в плане основания духовного производства как своей собственной формы. Границами основательности экономического базиса и выступает целостность капиталистической системы как подчинение капиталистическими производственными отношениями всех сфер человеческой деятельности.

Выскажем свое мнение по поводу имеющейся в нашей литературе точки зрения, согласно которой основательность реальной основы общества видится в ее «экономичности», где под основой понимается своеобразный природно-социальный «альянс». Сторонники этой точки зрения считают, что, поскольку человек в течение ряда исторических эпох «фактически срощен с природными условиями своего существования», поскольку существовала и существует натуральная форма производства, постольку реальной основой общества в определенные исторические эпохи выступают не только экономические отношения, но и «природная зависимость», «природные условия существования». И «основательность» основы общественного развития

здесь видится в вытеснении экономическими отношениями «природных условий существования» из «системного базиса». Так, В. П. Кузьмин пишет: «Он (К. Маркс.— В. Х.) рассматривает природную зависимость как существенную зависимость общественной истории вообще и как системное основание, играющее значительную роль в течение целого ряда исторических ступеней» [4, с. 128]. Однако В. П. Кузьмин, на наш взгляд, не совсем корректно трактует мысли К. Маркса. К. Маркс говорит несколько иначе: «...первоначальные условия производства выступают как природные предпосылки, как *природные условия существования производства*; точно так же как его (человека.— В. Х.) живое тело, воспроизводимое и развиваемое им, первоначально создано не им самим, а является *предпосылкой* его самого... [1, т. 46, ч. I, с. 478]. Однако «в объяснении, — пишет несколько выше К. Маркс,— нуждается (или результатом некоторого исторического процесса является) не *единство* живых и деятельных людей с природными, неорганическими условиями, человеческого существования и самим этим деятельным существом, а *разрыв*, впервые полностью развившийся лишь в форме отношения наемного труда и капитала» [1, т. 46, ч. I, с. 478].

Таким образом, у К. Маркса говорится о природных условиях существования как о **предпосылке** человеческой истории, но не ее основе (а именно так можно понимать В. П. Кузьмина) и в качестве действительной основы истории рассматривается не **единство** человека с «неорганическими условиями», а **мера его разрыва** с этими условиями. Думается, что концепция В. П. Кузьмина могла бы быть более адекватно понята читателями, если бы ему удалось избежать смешения категориального и некатегориального употребления терминов «базис» и «основа». В силу этого смешения природная зависимость как внешнее условие истории становится составным элементом ее основы. Основа сама себя обосновывает как основу не тем, вернее, не только тем, что она есть исходный пункт, а своим развитием в другом, обоснованном. И в этом смысле материальное производство как действительная основа истории не может быть объединено со своим внешним условием в некую более общую основу, ибо эти условия (в данном случае — природная зависимость) не развиваются в человеческой истории, и история как собственно история общества существует постольку, поскольку не основывается на природной зависимости.

Строгое разграничение использования категории базиса как категории исторического материализма и категории диалектической логики основы имеет немаловажное значение в исследовании исторического процесса, и прежде всего в анализе взаимоотношений экономической структуры общества и идеологической надстройки.

Список литературы: 1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. 2; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 3. *Бродский Б. И.* Отношение искусства к надстройке антагонистического общества. — Вопросы философии, 1957, № 3, с. 140—151. 4. *Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. — М.: Политиздат, 1976. — 247 с.

Н. Л. БАБИЙ, канд. филос. наук, Е. В. КОРНИЕНКО

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «МАТЕРИАЛ ИСКУССТВА»

В работах эстетиков и искусствоведов все чаще ставятся и разрабатываются вопросы языка искусства и взаимосвязанных с ним категорий. Эти проблемы приобрели особенно дискуссионный характер в связи со стремительным расширением сферы лингвистики и семиотики, интеграции различных областей знания. В современной науке уже сложился взгляд на музыкальный язык как иерархично организованную и исторически эволюционирующую систему средств музыкальной выразительности. Однако чрезвычайно тесно связанное с понятием «музыкального языка» понятие «материала искусства» («музыкального материала») еще не получило должного освещения в эстетической литературе. Одной из причин указанного явления можно считать некоторую терминологическую путаницу понятий «материал» и «язык». Многие исследователи ограничиваются лишь указанием на нетождественность этих категорий, не раскрывая их смысла. Признать, что каждый вид искусства пользуется своим, особым материалом, гораздо легче, чем обозначить сам материал или язык того или иного вида искусства.

Некоторые исследователи понимают под материалом материальный объект-носитель (то, в чем воплощен замысел художника). М. С. Каган пишет: «...выбор того или иного материала диктуется характером художественного содержания, которое должно быть в нем воплощено и которое будет с его помощью воздействовать на людей» [6, с. 463]. Е. В. Волкова в книге «Произведение искусства — предмет эстетического анализа» разграничивает понятия «материал искусства» и «материальный объект-носитель», указывая, что «материал есть материально-физическая основа художественного творчества, с помощью которой опредмечивается, объективируется замысел. Это та вещественная «плоть» искусства, которая необходима художнику в процессе творчества» [4, с. 83]. Однако понятие «материал» в большей мере относится к процессу творчества, чем к его результатам, в то время как «материальный объект-носитель — компонент законченного произведения искусства, его физически-вещественная основа, благодаря которой оно остается существовать и после смерти своего создателя» [4, с. 84].

Таким образом, понятие материала оказывается связанным и с процессами творчества и с процессами восприятия. Одну из

попыток вывести категорию «материал искусства» сделал А. А. Адамян [2, с. 88 — 103]. Ему принадлежит приоритет в разделении всего материала искусства на природный и художественный. Адамян заменил понятие «язык искусства» понятием «художественный материал». Мы же трактуем эти категории в несколько другом плане.

Без природного материала невозможна художественная деятельность как трудовой процесс. И природному, и художественному материалу свойственна эстетическая значимость. Как писал К. Маркс, «физические свойства красок и мрамора не лежат вне области живописи и скульптуры» [1, с. 67]. В то же время природный материал неоднороден по своей структуре. Впервые эта мысль была высказана В. С. Корниенко [7, с. 100]. Он выделил во всем многообразии природного материала два основных пласта: собственно природный материал, связанный с неорганической и органической природой, и естественный человеческий материал, связанный с жизнедеятельностью человека. Причем не все искусства используют эти пласты в равной степени: так, в изобразительных искусствах (живопись, графика, скульптура) используются материалы неорганической природы, а в неизобразительных (музыка, хореография) — огромную роль играет естественно-человеческий материал.

Как известно, природным материалом в музыке является окружающий нас звуковой мир, «звуковая атмосфера, связанная с человеком» [3, с. 98]. К собственно природному материалу музыкального искусства можно отнести все звуковые явления природы — пение птиц и грохот падающих камней, рев животных и шум машин... Однако гораздо большее значение имеют в музыке интонации человеческой речи, в которых берут свое начало многие выразительнейшие интонации музыкальных произведений.

Что же отличает природный материал музыки от ее художественного материала? Как указывал выдающийся русский композитор и критик А. Н. Серов, «... в природе бездна звуков самых разнокачественных, но все эти звуки, которые в иных случаях называются шумом, громом, грохотом, треском... и т. д., а в других случаях и не имеют выражений в словесной речи, все эти звуки или вовсе не входят в состав материала для музыкального языка, или же если входят в него, то не иначе, как в виде исключения (звон колоколов, медных тарелок, треугольников, звук барабанов, бубен и т. д.). Собственно музыкальный материал есть звук особого свойства...» [8, с. 504].

Отдельно услышанные шорохи, шум или звук не имеют и не могут иметь того «эстетического потенциала», который присущ музыкальному тону, специфическим образом оформленному музыкальному звуку, отличающемуся от всех прочих звуков ясной выраженностью своего тембра, высоты, динамики...

Художественный материал музыки, перерабатывая богатство природных звуковых впечатлений, является иным по качеству, это специфический продукт человеческой деятельности. В отличие от природного материала, представляющего собой совокупность звуковых явлений, художественный материал образует организованную и эволюционирующую систему музыкальных тонов. Примерами таких систем могут служить натуральный, хроматический, 17-тоновый звукоряд...

Человек постоянно расширяет и углубляет связи с окружающим миром, и материал искусства вбирает в себя все то, что звучит в реальной действительности. Развитие и обогащение природного материала музыки шло вместе с развитием техники. «Научно-технический прогресс XX века ввел и вводит вновь и вновь в сферу художественного освоения и в состав нашей чувственности выразительные признаки множества новых физических материалов. Таковы бетон, сталь, алюминий, пластмассы, стекло, синтетические смолы... радио — электрозвуки и многое другое. Они резко расширяют и без того многообразнейший арсенал традиционных (естественных) материалов искусства и, конечно, чрезвычайно сильно влияют на обновление всего контекста и всей системы его видов» [9. с. 42].

Столь стремительное расширение сферы природного материала не могло не оказать влияния и на развитие материала художественного. Его эволюцию легче всего проследить по линии привлечения новых тембров новых музыкальных инструментов.

Интересны примеры из истории фортепиано. Как известно, одним из первых его предшественников был клавикорд. Этот инструмент (широко распространенный в Германии вплоть до начала XIX века) отличался небольшим, но очень нежным, серебристым звучанием и мог передавать тончайшую экспрессию, изысканные оттенки. Однако ввиду малого объема этого инструмента он был пригоден лишь для небольших помещений и не мог удовлетворять композиторов своего времени. На смену клавикорду пришел клавесин. По сравнению с клавикордом новый инструмент обладал большим диапазоном, гораздо большей звучностью. Под пальцами искусных виртуозов клавесин производил очаровательные эффекты благодаря своеобразным, кристаллически чистым тембрам. Однако тон инструмента отличался резкостью и силой и имел несколько однообразный характер. Поэтому изобретение в 1719 г. инструмента, способного усиливать звук от *pp* до *jj* простым прикосновением пальцев, было своего рода революцией в истории клавишных инструментов. Это было фортепиано. Благодаря богатству динамических возможностей оно быстро вытеснило клавесин.

В связи с появлением в XX веке огромного количества новых инструментов, особенно электроинструментов, композиторы получили широкий простор в выборе материала. Звуковая палит-

ра современного оркестра уже немыслима без вибратона и педальных литавр и многих других инструментов. Использование принципиально новых тембров дало новые, красочные эффекты. Все это привело к обогащению музыкального языка, к созданию современных форм, вызываемых в музыке не только новым содержанием, но и эстетическими возможностями ранее не известных материалов.

Художественный материал музыки не следует отождествлять с музыкальным языком. Музыкальный язык базируется на художественном материале, состоит из него. Однако по сравнению с языком он не обладает необходимой степенью семантической нагрузки, хотя и предполагает ее. Музыкальный язык уже несет в себе элементы содержания, и в сложном взаимодействии материала и языка строится художественная форма.

Художественный материал — это своеобразная система «фонем» музыкального языка, на основе которой складываются более сложные структуры — средства выразительности и интонации.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве. — М., 1976. 2. Адамян А. А. Статьи об искусстве. — М., 1961. 3. Бонфельд М. О специфике воплощения конкретного в содержании музыки. — В сб.: Критика и музыкознание. — Л., 1975. 4. Волкова Е. В. Произведение искусства — предмет эстетического анализа. — М., 1976. 5. Горанов К. Содержание и форма в искусстве. — М., 1962. 6. Каган М. С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. — М., 1971. 7. Корниенко В. С. О сущности эстетического познания. — Новосибирск, 1962. 8. Серов А. Н. Критические статьи. Т. 1. — СПб, 1892. 9. Тасалов В. И. Об интегральных аспектах взаимодействия видов искусства. — В сб.: Взаимодействие и синтез искусства. — Л., 1978.

А. А. ИВАНИЩЕНКО, канд. филос. наук, Г. В. НОСКО

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ФИЛОСОФСКОГО И КОНКРЕТНО-НАУЧНОГО В ФИЗИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

(На примере научного творчества А. Эйнштейна)

Крупные достижения научной мысли, в частности создание теории относительности и квантовой физики, сопровождалось философскими размышлениями самих физиков и явились предметом интенсивного осмысления, с одной стороны, философами-марксистами, с другой — идеалистами, которые пытались доказать несостоятельность учения диалектического материализма на материале современной физики. В связи с этим представляется интересным на конкретном анализе процесса возникновения и развития физических теорий рассмотреть роль философских установок, идей и представлений в этом процессе, выделив два аспекта проблемы.

Нас интересует во-первых, какие философские идеи и убеждения были реализованы в научном творчестве ученых в объек-

тивном плане, то есть помимо, независимо от их сознательной воли и предустановок. Во-вторых, какова субъективная (осознанная) форма использования философских представлений, какой «философией» сознательно руководствовались физики при построении и интерпретации своих теорий. В свою очередь в последнем представляется возможным также вычленить два момента. С одной стороны, какие из сознательно примененных в той или иной форме философских идей положительно повлияли на процесс развития физических теорий (в этом как раз и состоит совпадение субъективного и объективного аспектов воздействия философии и физики) и какие убеждения тормозили этот процесс, негативно сказались на творчестве физиков (в чем проявилось несовпадение субъективной формы влияния философии на физику с объективно необходимым). С другой стороны, важно уяснить, какие из философских идей, сознательно примененных тем или иным ученым в действительно положительном научном процессе, «работали» не в той субъективной форме, в которой они представлялись данному ученому (что иногда вызывает впечатление, будто бы именно в такой форме они и повлияли существенным образом на создание той или иной теории), а в видоизмененной форме, обусловливаемой диалектической логикой объективного научного познания.

В данной статье предпринята попытка такого анализа на примере научного творчества А. Эйнштейна, внесшего громадный вклад в развитие всей современной физики.

Как известно, на рубеже XIX — XX ст. в физике господствовала механическая картина мира. Считалось, что физические теории, являясь непосредственным обобщением опыта, дают окончательное, абсолютно истинное представление об окружающем мире, а это означало отождествление научной картины мира с объективной реальностью. Отсюда следовало, что дальнейшее развитие физики должно идти лишь экстенсивно, на уровне уже построенных теорий, путем включения новых экспериментальных фактов в этой теории, являвшиеся фундаментом физической науки. Объяснить новое явление — означало свести его к ряду известных законов механики. Так, явления электродинамики и оптики многими учеными толковались на основе механической теории эфира. Возникшее в этой связи противоречие между фактом независимости скорости света от скорости движения его источника и принципом относительности Галилея некоторые ученые пытались преодолеть путем введения в новую теорию искусственных гипотез «ad hoc» (например, в теории Лоренца), оставаясь при этом на позициях представлений классической механики о сущности пространства, времени и движения. Такой метод подновления старой теории не приводил к разрешению возникшего противоречия, а сглаживал его ценой введения в теорию умозрительных построений, не поддающихся практическому обоснованию (в частности предпо-

жение Лоренца о существовании истинной или абсолютной длины движущегося тела, принципиально не поддающейся экспериментальному измерению). Это фактически было отказом от решения проблемы. Создалось положение, когда имевшиеся экспериментальные факты невозможно было объяснить с позиций старого, механистического миропонимания. По этому поводу А. Эйнштейн писал: «...Мне стало ясно, что ни механика, ни термодинамика не могут претендовать на полную точность... Постепенно я стал отчаиваться в возможности докопаться до истинных законов путем конструктивных обобщений известных фактов. Чем дольше и отчаяннее я старался, тем больше я приходил к заключению, что только открытие общего формального принципа может привести нас к надежным результатам» [7, т. 4, с. 277].

В механике имелся такой общий принцип, тесно связанный с характером механических законов природы и утверждавший невозможность абсолютного механического движения. Это принцип относительности Галилея, который (его суть, идею, но не форму) Эйнштейн распространил на электромагнитные явления и который, как он писал, «мы намерены превратить в предпосылку» [7, т. 1, с. 7]. Тот факт, что именно принцип относительности Эйнштейн положил в основу создания теории электродинамики движущихся сред, был обусловлен его твердой убежденностью в том, что «не только в механике, но и в электродинамике никакие свойства явлений не соответствуют понятию абсолютного покоя» [7, т. 1, с. 7]. Убежденность Эйнштейна родилась в процессе осмысления самих основ электродинамики, когда ученый установил, что разграничение между состояниями покоя и движения, иными словами, установление непроходимой границы между этими состояниями (что отразилось в факте асимметричного описания явлений электричества и магнетизма) не имеет никакого экспериментального обоснования. Следовательно, согласно Эйнштейну, абсолютизация различий между движением и покоем не отвечает самой природе физических процессов, то есть движение и покой (как и в механике) являются относительными, абсолютного же покоя и движения в природе не существует.

Как видим, распространяя принцип относительности на электромагнитные явления, Эйнштейн сознательно устранял из физики абсолютные движение и покой. Тем самым в конкретно-научной форме фактически было реализовано по существу диалектическое понимание проблемы движения и покоя. Ученый потому и обратился к идейной сути уже существовавшего принципа относительности в механике, что он являлся отражением «созвучной» его собственному разумению диалектики движения и покоя. Анализируя ситуацию, возникшую в физике в связи с принятием идеи мирового эфира и связанными с ним представлениями о существовании некой абсолютной системы отсчета

(а следовательно, абсолютного движения и абсолютного покоя), Эйнштейн сознательно исходил из справедливости идеи (предположения) о существовании общего для механических и электромагнитных явлений принципа относительности, одной из частных форм которого являлся известный принцип относительности Галилея применительно к механическим явлениям. Эта идея не вытекала с необходимостью из известных опытов, а явилась выражением определенного миропонимания ее автора, своеобразной методологической установкой, которая, как показали последующие научные результаты, соответствовала действительной диалектике природы и ее познания. «Когда я развил свою теорию,— писал Эйнштейн,— результат Майкельсона не оказал на меня заметного влияния... Объяснить это можно просто тем, что из общих соображений я был твердо убежден в том, что никакого абсолютного движения не существует и моя задача состояла только в том, чтобы сочетать это обстоятельство с тем, что известно из электродинамики» [по: 5, с. 298].

Вместе с тем мы, как и многие другие авторы, считаем, что при создании специальной теории относительности (СТО) Эйнштейн «опирался» не только на идеи (принцип) относительности, являющейся конкретизацией применительно к данной задаче более общего принципа простоты, но и на идеи (принцип) наблюдаемости объектов и свойств физической реальности. Фактически это признавал и сам Эйнштейн [7, т. 2, с. 120]. Что касается утверждений о примате роли принципа наблюдаемости над принципом простоты в процессе создания этой теории [6], то, по-видимому, однозначно определить, какой из этих принципов выполнял роль «первой скрипки» если и возможно, то с известной долей условности. Нам представляется, что первоначальной, или исходной, идеей «общих соображений» Эйнштейна в этом творческом процессе был принцип относительности (принцип простоты). При определении ученым исходных положений СТО активно работали оба принципа, что нашло отражение в самом содержании этих положений, но при обосновании истинности теории в целом решающая роль принадлежит, несомненно, принципу наблюдаемости.

Отказ от мирового эфира, обусловленный применением принципа относительности и принципа наблюдаемости к электромагнитным явлениям, привел к устранению понятия абсолютного пространства (как абсолютной мировой протяженности), а применение идеи о конечности скорости света в ее органической связи с эйнштейновским принципом относительности привело к отказу от представления о дальнодействии и абсолютной одновременности. Тем самым было показано, что абсолютные пространство и время являются пустыми представлениями, абстракциями, существующими только в нашей голове.

Выработка новых представлений о движении, пространстве и времени в гносеологическом плане объективно означала переход, с одной стороны, от созерцательно-эмпирического и, с другой стороны, чисто умозрительного метода познания к диалектическому (в определенных пределах) пониманию соотношения мышления и опытных данных в познании. Субъективно эта диалектика проявилась в критике Эйнштейном априорности научных понятий и индуктивизма как единственного (абсолютного) метода построения теорий. Как видим, субъективная форма использования диалектических по своей сути идей и представлений, которыми сознательно руководствовался ученый в процессе создания специальной теории относительности, фактически совпадает (хотя и не во всем объеме) с объективными диалектико-материалистическими законами познания, обуславливающими (в качестве внутренних логических компонентов) возникновение этой теории.

Некоторые моменты, касающиеся критики понятий абсолютного пространства, времени и движения были позаимствованы ученым в философии Маха. Под влиянием этой философии (как и философии Юма) Эйнштейн пришел к убеждению, что «наши понятия и системы понятий оправданы лишь постольку, поскольку они служат для выражения комплексов наших ощущений; вне этого они неправомерны» [7, т. 2, с. 6]. И далее: «В этом смысле мы не вправе говорить о пространстве вообще, а только о «пространстве, относящемся к телу А» [7, т. 2, с. 7]. Однако, если Мах сводил критику априорности понятий к субъективно-идеалистическому отрицанию их как элементов теоретического познания, рассматривая пространство и время лишь как «ряды наших ощущений», то Эйнштейн, как справедливо это подчеркивает Э. М. Чудинов [6, с. 48], фактически взял у Маха только саму идею критики абсолютно априорных понятий, необходимости согласования научных понятий с данными опыта. Сознательно используя по существу диалектический момент, содержащийся в маховской критике, однако понимая опыт материалистически, великий физик пришел к пониманию активности истинно-постигающего теоретического мышления, несколько не сомневаясь как в объективной реальности пространства и времени, так и в научной содержательности этих понятий.

Представления Эйнштейна об активном, творческом характере научного мышления формировались, с одной стороны, под влиянием собственного механизма создания новых научных теорий, с другой стороны — в ходе критического осмысления несостоятельности как абсолютного априоризма, так и абсолютного индуктивизма, то есть убеждения, «будто факты сами по себе, без свободного теоретического построения, могут и должны привести к научному познанию» [7, т. 4, с. 276], в том числе и махистского варианта индуктивизма. Именно антипо-

зитивизм Эйнштейна сыграл значительную роль в выработке взглядов на метод построения теорий, соотношения теории и экспериментальных фактов, помог прийти к пониманию активной, конструктивной творческой роли мышления в процессе познания. Примером коренного отличия убеждений Эйнштейна от махистских является понимание им сущности принципа наблюдаемости, которое было высказано великим физиком в 1926 г. в разговоре с В. Гейзенбергом: «Эйнштейн заметил, — вспоминает Гейзенберг, — что говорить о том, будто следует принимать во внимание только наблюдаемые величины даже опасно... Мах, например, всегда считал, что понятие атома приемлемо только с точки зрения удобства, с точки зрения экономии мышления, он никогда не верил в реальное существование атома» [3, с. 303 — 304].

Как видим, Эйнштейн высказал вполне осознанное отрицательное отношение к субъективно-идеалистической гносеологии Маха, которая как таковая в ее собственной форме никогда и не «работала» в реальном процессе создания СТО. Весь фактический ход создания этой теории подтверждает тезис о том, что в реальном научном творчестве ученого были реализованы только те философские компоненты, которые по своему содержанию и функционированию объективно соответствовали диалектико-материалистической методологии. Субъективная форма эйнштейновской оценки влияния философии Маха не дает возможности дифференцированно определить, какие именно элементы этой философии и в какой конкретной форме были использованы при создании СТО. Так, например, он говорил, что при создании СТО ему «прямо или косвенно, особенно помогли работы Юма и Маха» [7, т. 4, с. 29] и т. д. Но ретроспективный анализ самого процесса создания СТО показывает, что из этой философии могли быть и были использованы только отдельные компоненты, причем в таком фактическом «контексте», который соответствовал идеям диалектико-материалистической гносеологии. Об этом же свидетельствует и тот факт, что вышеприведенная форма эйнштейновского понимания связи понятий и ощущений, навеянная философией Маха, в действительном научном процессе была существенно изменена самой объективной логикой создания Эйнштейном СТО.

Таким образом, в ходе создания СТО фактически были реализованы идеи диалектико-материалистической методологии. Гносеологические компоненты при этом были объективно направлены как против созерцательности метафизического материализма и махизма, так и против релятивизма позитивистской философии и абсолютного априоризма Канта. Одни компоненты были реализованы стихийно, другие — сознательно использованы Эйнштейном в научном процессе. Однако это не означает, что они всегда реально «работали» именно в такой форме, в какой представлялись самому ученому, то есть не модифици-

ровались внутренней логикой движения конкретно-познавательного процесса. В основе созидающей части гносеологии Эйнштейна лежат по существу диалектические и материалистические идеи о конструктивном, активном характере мышления, о необходимости соотношения понятий и теорий с объективной реальностью посредством эксперимента. Для него была характерна твердая убежденность в познаваемости существующего независимо от нашего сознания мира.

Критика абсолютной априорности понятий (абсолютной независимости от опыта и неизменяемости), а также индуктивизма как метода построения теории, которая благодаря своей диалектической направленности сыграла большую роль в становлении СТО, как и сам факт создания этой теории, привели Эйнштейна к представлению о возможности строить теорию лишь путем «свободного» теоретического мышления, руководствуясь при этом критериями внутреннего совершенства, простоты и внешнего оправдания (соответствия опытным данным). «Я убежден, — писал Эйнштейн, — что посредством чисто математических конструкций мы можем найти те понятия и закономерные связи между ними, которые дадут нам ключ к пониманию явлений природы» [7, т. 4, с. 184].

Таким образом, «свобода» мышления «посредством чисто математических конструкций» на основе принципа простоты ограничена у Эйнштейна двумя взаимосвязанными гносеологическими требованиями: 1) производимые указанным образом научные понятия и закономерные связи между ними должны отражать внешнюю природу и 2) они должны быть оправданы (обоснованы) опытными фактами, характер которых определяется самой теорией.

Таковы философские позиции ученого, которыми он сознательно руководствовался в своем дальнейшем творчестве.

Эти убеждения сказались уже в ходе создания общей теории относительности (ОТО). Сформулированные ученым принципы общей относительности и эквивалентности полей тяготения с ускоренно движущимися системами в значительной степени явились результатом его философско-методологических установок. С одной стороны, это было стремление покончить с априоризмом «абсолютного» ускорения, завершив тем самым критику априорных понятий классической физики. С другой стороны, он считал, что построить новую теорию, где не было бы места абсолютному ускорению, можно путем отождествления принципа физической относительности с математическим требованием ковариантности уравнений, в соответствии с его методом «чисто математических конструкций». Ученый также сознательно руководствовался и идеей необходимости связи пространственно-временной метрики с гравитационными массами. Такой была субъективная форма применения Эйнштейном философских идей и убеждений при построении ОТО.

Отождествляя физический принцип относительности с математической ковариантностью уравнений, ученый в известной мере «уходил» от описания объективной реальности в мир математических абстракций, ибо, как пишет В. А. Фок, «общий принцип относительности, как физический принцип, который имел бы место по отношению к произвольным системам отсчета, невозможен» [4, с. 245]. Локальный и далеко не всеобщий характер имеет принцип эквивалентности, который, по мнению Эйнштейна, должен был «развенчать» абсолютный характер ускорения. Локальность этого принципа хорошо понимал и сам Эйнштейн, и тем не менее он положил его в основу ОТО, ибо это было продиктовано его философскими идеалами, его методологическими установками (что и обусловило некоторую несогласованность отдельных сторон его теории). Объективно в этой теории были реализованы по существу диалектические идеи о взаимосвязи пространства и времени, объединение их в единый четырехмерный континуум и о связи последнего с гравитационным полем, с материальными объектами. Тем самым было показано, что в мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени. Воплотившаяся в этой теории объективная диалектика связи пространства, времени и материи и привела фактически к созданию теории гравитации, а не ОТО, как хотел ученый. Это является еще одним свидетельством того, что на данном этапе творчества А. Эйнштейна его субъективная форма использования философских идей в известной мере разошлась с объективно реализованными философскими «установками», а это обусловило возникновение теории гравитации в неадекватной форме ОТО. Единственный экспериментальный знак равенства гравитационной и инертной масс, использовавшийся великим физиком в ходе создания ОТО, фактически лежит в основе не ОТО, а теории гравитации [4, с. 307]. Таким образом, факт создания ученым теории гравитации в неадекватной форме ОТО говорит о несовпадении, противоречивости его исходных и фактически реализованных философских идей и представлений. «Сработали» только те из них, которые соответствовали диалектико-материалистическим принципам, объективно лежащим в основе теории гравитации. Что же касается принципа «общей относительности» и самого метода построения теории, то они несколько «увели» ученого в ложном направлении. Обнаружившаяся при этом противоречивость и непоследовательность философии Эйнштейна имеет глубокие основания, и этот вопрос требует более детального рассмотрения.

Критическое отношение к представлению о теории как о простом обобщении фактов, к позитивистскому нигилизму в отношении теоретической формы познания (не без влияния философии Канта) вылились у Эйнштейна в понимание активной роли субъекта в процессе создания теории, что является важным

шагом в направлении марксистской гносеологии. Однако он не смог правильно поставить и решить вопрос об источнике и движущих силах познания, происхождении понятий и теорий, отражающих элементы объективной реальности, понять истоки и границы «свободного» (творческого) истиннопостигающего человеческого мышления. Активность субъекта в ходе построения теории, по существу, не выходит у Эйнштейна за рамки мыслительной, идеальной деятельности. Но это нельзя понимать упрощенно, будто ученый рассматривал теорию с позиций конвенционализма, считая ее чисто условным произведением человеческого духа, не связанным с экспериментом. Великий физик недвусмысленно высказывался на этот счет: «...понятие и суждение имеют смысл лишь постольку, поскольку им можно однозначно сопоставить наблюдаемые факты...» [7, т. 2, с. 120]. Он считал обязательным проверять теорию на согласие с экспериментом, видя в этом критерий истинности и научной содержательности вводимых в теорию понятий. Однако Эйнштейн не смог подняться до более полного понимания диалектики процесса познания, в частности понять, что активность мышления, проявляющаяся в конструировании теории, в своих истоках и общих границах обусловлена творческой активностью материально-практической деятельности, что, как писал К. Маркс, «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [1, т. 23, с. 21].

Это нашло свое выражение в том, что великий ученый рассматривал экспериментальные факты лишь как критерий отбора и оправдания уже готовых понятий и теорий, причем сами эти факты прогнозируются в рамках уже созданной теории. Тем самым экспериментальная «деятельность» рассматривается ученым как нечто внешнее и пассивное относительно «свободного» логического генезиса исходной формы научной теории. Фактически об этом же говорит и сам Эйнштейн, указывая место логического мышления и опыта в системе теоретической физики: «Логическое мышление, — пишет он, — определяет структуру этой системы; то, что содержит опыт и взаимные соотношения опытных данных, должно найти свое отражение в выводах теории. В том, что такое отражение возможно, состоит единственная ценность и оправдание всей системы и особенно понятий и фундаментальных законов, лежащих в ее основе» [7, т. 4, с. 182—183].

Не понимая механизма познания как отражения общественным человеком практически преобразуемого им мира, он взял только одну сторону этого диалектического процесса — теоретическое мышление и фактически абсолютизировал его активный характер, считая возможным построить исходную идеальную модель мира с помощью «чисто математических конструкций». Непонимание материальной практики как источника познания и категориальной структуры человеческого мышления

привело ученого к тому, что он не смог последовательно материалистически решить вопрос о происхождении научных понятий, видя в них лишь «свободные творения человеческого разума, которые не могут быть априори оправданы ни природой этого разума, ни каким-либо другим путем» [7, т. 4, с. 183]. Оправдание это, конечно же, в практике, которая «научила» и «учит» человека производить понятия. Положив в основу своей методологии представление о понятии как «свободном творении человеческого разума», ученый тем самым разрывает действительную генетическую связь понятий и объективной реальности, вследствие чего не может понять причины тождества законов бытия и мышления; для него познаваемость мира — «вечная загадка», которую «мы никогда не поймем» [7, т. 4, с. 201]. Объяснение последней он видел лишь в том, что «природа представляет собой реализацию простейших математически мыслимых элементов» [7, т. 4, с. 184].

С таким философским «багажом» (принцип простоты, независимость генезиса логической структуры теории от данных опыта и т. д.) Эйнштейн подошел к проблеме построения теории единого поля, надеясь «попутно» подправить уже существующую квантовую теорию. Естественно, логика его творческого процесса определялась не только «общими соображениями», но и наличным конкретным физическим материалом, что объективно могло сделать поставленную цель недостижимой и чего, по-видимому, сам ученый не осознавал. Абсолютизируя активную, конструктивную роль теоретического мышления, Эйнштейн фактически пришел к абсолютизации определенных представлений об объективной реальности. Он отождествлял объективную реальность с конкретно-научной картиной ее на данном этапе познания: физическая реальность рассматривалась как единое поле, свойствами которого выступали физические поля и вещество. Отсюда и представления о «жесткой» детерминации такой реальности и ее полной независимости от измерительных приборов, которые сами должны были описываться единой теорией поля. «Если мы можем, — писал Эйнштейн, — без какого то ни было возмущения системы, предсказать с достоверностью... значение некоторой физической величины, то существует элемент физической реальности, соответствующий этой физической величине» [7, т. 3, с. 605]. Вопрос о том, что считать в физике реальным, связывался с метафизически абсолютизированными представлениями о реальности, в частности с классическим идеалом причинности. Исходя из такой философской программы, Эйнштейн никак не мог согласиться с отсутствием «жесткого» детерминизма в квантовой теории, а главное, с зависимостью квантовых явлений от условий познания, их относительностью к средствам познания, что побуждало его видеть в квантовой механике неокончательную, временную теорию. Кроме того, ученый усматривал

в квантовой теории элементы субъективно-идеалистической философии, ибо в его понимании активность субъекта в познании означала лишь одно: идеальную деятельность по конструированию понятий и теорий, поэтому в факте относительности квантовых явлений к экспериментальным средствам познания (в чем, в частности, и проявляется материально-практическая активность субъекта) он усматривал несоответствие с представлением о независимости существования объективной реальности от сознания исследователя, что также убеждало его в «несостоятельности» квантовой теории. Он продолжал искать выход в рамках своих философских установок. Однако не пришел к желанному результату.

Таким образом, субъективно примененные Эйнштейном на данном этапе его творчества философские идеи и убеждения, сами по себе имеющие важные рациональные зерна, но которыми, как мы видели, Эйнштейн придал метафизический и в определенном смысле слишком «конструктивный» характер, не привели его к успешному построению искомой физической теории. Это свидетельствует о том, что указанные идеи в таком гипертрофированном виде оказались в противоречии с объективно необходимыми диалектико-материалистическими потребностями научного познания на данном этапе, они увели ученого в ложном направлении.

В то же время создание теории относительности обязано успешной реализации определенных компонентов диалектико-материалистической методологии, отдельные из которых получили адекватную субъективную форму выражения Эйнштейном в процессе создания теории относительности. Все это еще раз подтверждает ленинскую мысль, что современная физика «идет к единственно верному методу и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей «конечной цели», а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом» [2, т. 18, с. 332].

Проведенный в статье анализ соотношения объективных и субъективных философских компонентов научного познания свидетельствует о том, что «правильное» и успешное развитие физики (без ложных зигзагов и отступлений назад) возможно только на основе сознательного использования философии диалектического материализма самими учеными, что сознательное объединение и «слияние» конкретно-научных и философских компонентов научного познания мира — закономерная потребность.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Гейзенберг В. Теория, критика и философия. — Успехи физических наук, 1970, т. 102, вып. 2, с. 299—312. 4. Фок В. А. Теория пространства, времени и тяготения. — М.: Физматгиз, 1961. — 563 с. 5. Холтон Д. Эйнштейн и «решающий эксперимент». — Успехи физических наук, 1971, т. 104, вып. 2, с. 297—316. 6. Чудинов Э. М. Теория относительности и философия. — М.: Политиздат, 1974. — 304 с. 7. Эйнштейн А. Собрание научных трудов в 4-х т. — М.: Наука, 1965—1967.